

СЛОВО ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

Г. В. Болдыгин

«Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу столь странную как слово “философия”», – писал на рубеже XIX–XX вв. В. Виндельбанд¹⁰⁹. И действительно, за долгие века своего существования термин философия наполнился множеством смыслов, которые, как кажется, навсегда изгнали из круга обозначаемых им явлений любовь к мудрости. Само это словосочетание кажется теперь случайным названием для того духовного образования, о сущности которого говорят современные философы. В самом деле, разве любовь, пусть даже это любовь к мудрости может быть наукой, или мировоззрением, или прояснением смысла предложений, или формой общественного сознания, а тем более формой идеологии, одно только существование которой говорит о наличии вражды, раздирающей противоположные общественные группировки? История необратима, и теперь уже не получится употреблять слово философия в его первозданном смысле. Однако и игнорировать этот смысл непозволительно, поскольку речь идет о несущем каркасе европейской мыслительной культуры: когда-то, в самом начале ее формирования, слово философия означало особого рода любовь, которой древние эллины объясняли странности в поступках и речах некоторых своих современников.

Сложные слова никогда не появляются в результате случайных звуковых сочетаний. Все они молоды, сравнительно со словами первого наименования, и имеют конкретных, хотя не всегда известных, изобретателей. Тот, кто создавал их, действовал вполне осмысленно, соединяя в единое целое разные корни потому, что уже имевшиеся слова невозможно было приспособить для обозначения совершенно новых только что возникших вещей и явлений, радикально отличающихся от всего того, что было до них. Изобретение слова *φιλοσοφία* легенда приписывает Пифагору, будто бы из скромности отказывавшегося от звания мудреца на том основании, что только боги действительно мудры, а человеку приличествует называться лишь любителем мудрости. Но Пифагору (а многие историки сомневаются в реальном существовании этой фигуры) и тайному религиозно-политическому союзу пифагорейцев молва приписывала многое из того, что его адепты принципиально не могли ни знать, ни делать. Слово философия не встречается в достоверных письменных источниках VI–V вв. до н. э., а поэтому неизвестно, какой смысл вкладывали в него, например, Анаксагор или Демокрит и употребляли ли они его вообще.

¹⁰⁹ Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 28.

Видимо, первым говорить о философии начал Сократ, иронически противопоставлявший свою любовь к мудрости мнимой мудрости софистов. Возможно, слово философия было сконструировано в кружке Сократа и какое-то время не выходило за его пределы. Хорошо знавший его Аристофан в комедии *Облака* называет Сократа не философом, а софистом скорее всего потому, что слова философ и философия не были знакомы большинству читателей и зрителей его пьесы. (Но, может быть, и самому Аристофану?) Впервые в письменной речи термин философия встречается 2 раза в дошедших до нас копиях речей ритор Исократа, одно время входившего в кружок Сократа¹¹⁰. Но по-настоящему в широкий обиход оно вошло благодаря многократно тиражировавшимся диалогам Платона, где впервые встречаются развернутые суждения о философии и философах, причем эти термины вовсе не носят у него уничижительного смысла, искреннего или притворного.

Этим словом он обозначал не какую-то особую науку со своей особой предметной областью наряду, например, с астрономией, геометрией и арифметикой, и не мировоззрение, и не идеологию и не что-то иное, что в последующие века стали подразумевать под философией. Платон обозначал этим термином особого рода любовь, названную потомками платонической по имени ее первоописателя. Да и странно было бы ожидать от Платона, свидетеля изобретения и, возможно, одного из соизобретателей этого слова, чтобы он употреблял его не в буквальном, а в переносном смысле, возникшем через века и тысячелетия в умах неведомых ему потомков¹¹¹. А к любви в самых разных ее проявлениях он относился весьма и весьма серьезно.

Платон вместе с Эмпедоклом и вопреки Гераклиту считал, что созидательным началом является не вражда, не борьба противоположностей, а любовь. Он описал несколько ее видов, благодаря которым жизнь людей с их общественным устройством, материальной и интеллектуальной культурой радикально отличается от существования всех иных стадных животных. Это знакомая почти всем из нас эротическая любовь, сближающая человека с другими животными, но отличающаяся от животной страсти стремлением к прекрасному. Это и сребролюбие, создающее колоссальные богатства, а вместе с ними и возможность для осуществления самых грандиозных проектов. Это и честолюбие – любовь к почестям,

¹¹⁰ Шичалин Ю. А. Вступительная статья к диалогу Платона «Федр» // Платон. Федр. М.: Прогресс, 1989.

¹¹¹ Подобную позицию занимал, например, В. Виндельбанд, полагавший, что философия в те времена была единой нераздельной наукой, а Платон использовал слово философия не в буквальном значении, а как технический термин, то есть инносказательно [5; 29].

толкаящая людей, как на подвиги, так и на преступления. Это и порождаемое, как считал Платон, честолюбием властолюбие, особенно ярко проявляющееся у политиков и военачальников. Но главный интерес и особое удивление вызывают у него два вида любви, которые в наибольшей степени характеризуют философов по природе. Одна из них – это собственнo любовь к мудрости, вторая – любовь к истине, к знанию ради самого знания¹¹².

С VI в. до н. э. среди практичных соплеменников Платона – земледельцев и ремесленников, торговцев и мореплавателей, воинов и государственных деятелей – появились люди, которые стали интересоваться совершенно бесполезными вопросами. Состоит ли все из воды, огня, воздуха, из атомов и пустоты или из чего-то другого? Догонит Ахилл черепаху или не догонит? Действительно ли Солнце – раскаленный камень, величиной с Пелопоннес? На самом ли деле все есть число? Ответы на эти и подобные им вопросы явно не могли помочь ни в политике, ни в торговле, ни в ремесле, ни в военном деле, ни в сельском хозяйстве – ни в одной сфере практической деятельности древних эллинов. И тем не менее некоторые из них спорили друг с другом, доказывая истинность своих взглядов, как будто от этого зависело что-то очень важное для их жизни. Они доказывали истинность теоремы Пифагора, которой их соседи по Средиземноморью да и сами они веками пользовались при межевании земли и строительных работах. Они доказывали множество бесполезных для них и их ближайших потомков теорем, включая теорему о возможности построения только пяти правильных выпуклых многогранников.

Что двигало этими людьми? Что движет нашими современниками? Почему больше 300 лет математики пытались доказать Великую теорему Ферма, хотя при нужде пользовались ею для решения некоторых задач? Что после 1995 г., когда она все же была доказана, движет теми из них, кто ищет другие способы ее доказательства? Какова практическая польза от научного доказательства? В случае надобности мы ведь используем знание теорем, не вспоминая их доказательств. Почему для нас немыслима математика без доказательств? И почему она легко мыслилась китайцами вплоть до середины XIX в.? В первых переводах на китайский язык европейских учебников по геометрии доказательства отсутствовали вообще. Видимо, китайские переводчики отбросили доказательства, не найдя им никакого практического применения и посчитав их своеобразными интеллектуальными украшениями, почему-то принятыми у европейцев, некими правилами этикета, европейскими церемониями. Таким же странным представлялось и большинству древних эллинов стремление некоторых

¹¹² Платон. Государство. 475 а-е, 486 b-c.

из их современников доказывать истинность математических теорем и своих убеждений.

Платон, убежденный в полезности математических знаний для государственного управления и военного дела, отчетливо понимал практическую бесполезность доказательств, объясняя это никчемное с точки зрения большинства занятие любовью горячей, похожей на то умоисступление, когда влюбленный не может ни думать, ни говорить о чем-либо ином помимо предмета своей любви. Влюбленностью философов в истину он объясняет их пренебрежение повседневными делами, бедность, не искусность в ремеслах и гражданских спорах. Доказательство, способное превратить сомнительное, а то и вовсе нелепое, на первый взгляд, положение в личное убеждение, которое невозможно, подобно мнению, изменить под влиянием настроения, привлекает особое внимание Платона. Оно не способ властолюбцев подчинить себе чужую волю, как стали трактовать доказательство в XX в., а средство, позволяющее философу убедиться самому и предоставить возможность убедиться другим в том, что они наконец-то владеют истиной – предметом их общей любви. В результате философы по природе получают от доказательства особого рода наслаждение – удовольствие (*ἡδονή*), неведомое честолюбцам, сребролюбцам и тиранам¹¹³.

Всем нам, кому хотя бы раз в жизни удалось самостоятельно разобраться в доказательстве какой-нибудь теоремы или решить хотя бы одну задачу, знакомо это удовольствие от достижения истины, которое вызвано вовсе не мыслями о будущей выгоде (например, о денежном поощрении) или почестях (хотя бы о похвале учителя). Знакомство большинства из нас с наслаждением от нахождения доказательств говорит о том, что мы выросли в ареале культуры, важнейшая составляющая которой – культ истины, лелеемый учителями, фольклором, литературой, домашним, школьным и последующим образованием. Этот культ требует ценить некоторые знания не как полезные средства, которые можно использовать для достижения иной более важной для нас цели, а как конечную цель, как важнейшую ценность, ради которой жертвуют иногда жизнью, а иногда и своей бессмертной душой¹¹⁴. Что это за знания? И всякое ли знание мы добываем ради него самого?

Ответ на второй вопрос очевиден и прост: не всякое. Самые древние и наиболее обширные практические знания – рецепты, наставления, инструкции, технологические карты и все, что зовется

¹¹³ Платон. Государство. 582 а–е; 586 с – 587 е.

¹¹⁴ Ермолай Барбаро, патриарх Аквилей, живший уже на закате средневековья, в XV в., пытался, как говорят хроники, вступить в сговор с дьяволом всего лишь для того, чтобы тот разъяснил ему подлинный смысл аристотелевского термина энтелехия [12; 6].

сейчас knowhow – мы ценим за их полезность, то есть за возможность использовать их как средства для достижения иных целей, более важных для нас, чем само ноу хау, хотя, будучи предметом коммерческой тайны, оно может стоить больших денег. Практические знания – это знания действий, без которых трудно, а иногда и невозможно достичь избранной нами цели. Поскольку эти цели и действия наши, т. е. осуществлять их или не осуществлять, действовать так или как-то иначе зависит от нашего желания, они, как заметил Аристотель, не всегда бывают одинаковы, а потому о поступках мы принимаем решения¹¹⁵.

С практическими знаниями, выражаемыми в императиве, до самого последнего времени никак не были связаны знания об объектах, недоступных произвольному изменению, и их существенных свойствах, о которых, по словам Аристотеля, мы не принимаем решений, например, о космосе, или прошлом, или несоизмеримости диагонали и стороны квадрата¹¹⁶. Эти знания, выражаемые в изъявительном наклонении, не являются средствами, так как ничего не говорят и, более того, не могут сказать, о возможных или нужных действиях с предметами своего познавательного интереса, а потому бесполезные для осуществления чьих-либо практических целей, количество и разнообразие которых в настоящем и будущем необозримо. Такие знания вслед за Аристотелем стали называть теоретическими, созерцательными (от слова θεωρία – созерцание, наблюдение). Теоретическим для древних эллинов было как чувственное созерцание, так и умозрение (например, чисел, атомов, идей, форм), которое, считая его независимым от эмоций, они ценили выше первого, тесно сплетенного со страстями. Тем не менее, чувственное созерцание для них – это та же θεωρία. Определять возможные значения термина теоретическое знание, противопоставляя его эмпирическому, стали только со второй половины XIX в. под влиянием авторитетных тогда представителей британского естественнонаучного материализма. До этого теоретические знания противопоставлялись исключительно практическим, что задавало слову теоретическое значения, неведомые современной философии науки.

Возникновением культа неутилитарного (бесполезного) знания европейская наука обязана свободе, обрушившейся на Элладу в VII–VI вв. до н. э. в результате сравнительно быстрого распада родовых связей ее жителей. Прежние нравы, безальтернативно диктовавшие правила поведения с сородичами и с иноплеменниками, в условиях разнородного и многолюдного полиса уже не работали, новые нормы еще только складывались. В хаосе ничем

¹¹⁵ Аристотель. Никомахова этика. 1112a30–1113a20.

¹¹⁶ Там же. 1112 a16–17.

не регулируемых и потому не предсказуемых поступков, вызывающих страх и желание дать превентивный отпор еще недавно доброму соседу и даже родственнику, сложился культ мудрецов. Под мудростью понималась тогда высшая степень мастерства в любом деле, но прежде всего искусство находить выход из самой сложной житейской ситуации, не ущемляя интересов других людей. Легенда (а легендой она была уже для Аристотеля) приписывает мудрецам, сумевшим гармонизировать свои отношения с окружающими, изобретение политики, т. е. такой формы общежития разнородных и разноплеменных индивидов, которое регулируется номосами (νόμοι), соглашениями, принимавшимися общим собранием граждан и обязательно после этого записанными. Именно письменной формой νόμος (переводимый на русский язык чаще всего словом закон) отличался от λέξ'а (букв. – слово), устной формы прежних межродовых и межплеменных договоренностей¹¹⁷.

Однако номосы, как оказалось, в отличие от неписаных норм родового общежития легко переступались и легко отменялись (иногда временно и назывались тогда псефизмами) несмотря на торжественные обещания не менять их. Законы – эти порождения свободы – предполагают свободное следование им, но также и свободу индивида их переступать, ясно отдавая себе отчет о возможных санкциях за подобные преступления. Номосы, конечно, ограничивали произвол индивидов, но не столь принудительно и безальтернативно, как родовые предписания и запреты, чем невыгодно, с точки зрения большинства эллинов, отличались от неписаных и безальтернативных нравов и обычаев, стародажевых, по Платону, законов. Недовольство возникшей системой ограничения свободы порождало подспудный поиск форс-мажоров, непреодолимых препятствий для своеволия индивидов, которые могли бы послужить основой будущего нерушимого законодательства.

Одним из итогов этого поиска стало формирование на рубеже VI–V вв. до н. э. понятия φύσις (природа). Под природой тогда понимали не мир в целом, не космос, не вселенную, но недоступную произвольному изменению сущность, которая определяет способ самостоятельного возникновения, существования и уничтожения вещей, примерно то, что подразумеваем мы, говоря о природе человека, природе науки, мышления и т. п. Основные значения слова

¹¹⁷ Примечательно, что римляне стали использовать заимствованное у эллинов слово lex для обозначения принятых сенатом писаных законов. От множественного числа в латинском языке – leges – мы получили легальность, легитимность. От греческого λέξ – лексику. От обоих – лекцию и лектора: на юридических факультетах первых университетов преподаватель просто читал вслух законы (lex'ы) из Кодекса Юстиниана, а студенты следили за этим чтением по арендованным или купленным текстам.

φύσις задавались противопоставлением его слову τέχνη (искусство, умение) – другому началу возникновения, движения и изменения вещей, требующему от людей не только умений, но и усилий, подчас весьма серьезных. Разновидностью τέχνη была πράξις (практика), специфическое, по Аристотелю, искусство поступков, т. е. действий в отношении других людей.

Попытки постичь неизменяемые и, следовательно, независимые от нашего решения природы вещей (именно так, во множественном числе писали древние эллины, полагавшие, что каждый класс вещей имеет свою особую природу) привели к формированию основ теоретического познания. Оно обязано было представлять свои предметы не с точки зрения их возможного использования, но в их собственных прирожденных свойствах, независимо от того, полезны они или бесполезны, прекрасны они или безобразны, приятны или отвратительны. Теоретическое познание и тогда, и сейчас обязано отвечать на вопрос, что есть (а не всего лишь мнится), было и будет всегда, а не на вопросы, что лучше, чем то, что есть, и что делать для осуществления этого лучшего. Аналога понятия φύσις не смогли самостоятельно сформировать великие древневосточные цивилизации, в которых при всем богатстве и изощренности практических знаний так и не возник культ теоретического знания ради знания, требующий даже от седовласого мудреца доказывания безусым ученикам истинность своих утверждений, признавая тем самым их право сомневаться в словах учителя.

Но как соотносятся любовь к мудрости, т. е. к практическому знанию о полезном средстве, и любовь к истине – как конечной цели теоретического знания? Можно ли считать философами тех, кто с помощью зрения и умозрения исследует природы вещей, сознательно отказываясь от практического воздействия на них, дабы не исказить их естество? Сократ, как известно, отказался от увлекавшего его в юности познания природ вещей, чтобы сосредоточиться на практическом познании блага и способов его достижения, то есть на постижении мудрости. Платон же нашел свое собственное решение вопроса о соотношении философии и любви к знанию, возвратившись к мифологической трактовке естественных процессов. Эта трактовка органично вошла в раннехристианское толкование понятия природа и стала господствующей в средние века.

Классические эллинские мифы – это культ искусства-умения, освященный верой в олимпийских богов, каждый из которых был искусником в своем ремесле. Платон, рассуждая в Софисте о природах вещей, благодаря которым нечто возникает без чьих-либо видимых усилий, утверждал, что на самом деле то, что принимают под φύσις, есть тоже τέχνη, но не человеческое искусство,

а божественное (θεϊτέχνη)¹¹⁸. Исходя из такого понимания естества, он говорит о верховном божестве как мастере-искуснике, Демиурге, а учение о возникновении вещей и космоса называет правдоподобным мифом, подразумевая под мифом не любую выдумку, а особый литературный жанр, специфический предмет которого – дела богов и героев. Тем самым, любознательность (φιλομάθεια) тех, кто стремится постичь природы вещей, есть, по сути, не всегда осознаваемое стремление к постижению божественной мудрости. «Мудрость состоит в познании дел божественных и человеческих», – пишет уже в эпоху эллинизма Альбин, автор учебника по платоновской философии¹¹⁹. Непонятная для большинства современников страсть к бесполезному знанию получила теперь свое объяснение: заниматься теоретическими разысканиями побуждает людей любовь к мудрости (φιλοσοφία), которая овладевает некоторыми из них. Уже после Платона философию стали называть матерью всех наук – математики (включавшей в себя и астрономию с теорией музыки), логики, физики, этики, а в эллинистический период еще и механики¹²⁰.

Древние римляне, победившие в военном противостоянии Элладе, но не сумевшие противостоять обаянию ее культуры, перевели на латинский язык почти все греческие научные термины. Однако найти у себя аналога слову философия они не смогли. Их практический ум, отточенный в постоянных войнах, в государственном устройстве, в создании правовых институтов, в инженерных сооружениях и сельскохозяйственном производстве, был равнодушен к вопросам, ответы на которые не могли принести никакой пользы. Символичны легенды о смерти Архимеда, чертившего на песке геометрические фигуры, от меча римского солдата и о равнодушии, с которым римляне сожгли Александрийскую библиотеку.

Признавая превосходство греков в решении теоретических проблем, прежде всего математических и физических, римляне согласились с ролью вечных школяров, лишь мечтающих о том, чтобы сравняться в этих знаниях со своими учителями. О самостоятельном разыскании теоретических знаний они и не помышляли. В результате в Риме сформировался новый тип ученого – эрудита, знающего все имеющиеся авторитетные источники. Этот тип ученого, каким был, например, Плиний Старший, стал образцом для подражания в средневековой схоластике. Греческим же словом

¹¹⁸ «...То, что приписывают природе, творится божественным искусством, что создается людьми – человеческим...» [15; 265e].

¹¹⁹ Платон. Федр. М.: Прогресс, 1989. С. 437.

¹²⁰ «Одна часть теоретической философии – теология – имеет дело с неподвижными и первыми причинами, а также с божеством; другая – физика – изучает движение звезд, их обращение и возвращение; математике принадлежит то, что рассматривает геометрию и прочие такого рода науки», – писал Альбин [14; 438–439].

философия римляне, знавшие его буквальный перевод, чаще всего обозначали мало понятную им бескорыстную любовь эллинов к знанию, а также и порождаемую ею совокупность теоретических знаний.

Именно в таком толковании слова философия она стала предметом ожесточенной критики со стороны ранних христианских апологетов и отцов церкви, ревниво относившихся ко всяким видам любви, кроме любви к богу. Талантливые и по-гречески образованные, они немало сделали для подавления культа философии, авторитетного в силу странной моды на образованность среди утилитарно ориентированных римлян. Один из глубочайших христианских мыслителей, Аврелий Августин, стремясь опорочить философию в глазах своих сограждан, трактовал ее как низший вид любви, как своеобразную похоть, истощающую духовные силы людей в стремлении к знанию. Но «это знание», — обращается он к практичным римлянам, — «не приносит никакой пользы, да люди ничего и не ищут в нем, кроме знания»¹²¹.

На протяжении всего раннего Средневековья, получившего название темного, западные христиане не без влияния Августина сознательно гасили интерес к самостоятельному поиску истины, если он у них пробуждался. Порывы же любознательности рассматривались как происки дьявола, возбуждающего гордыню человека, осмелившегося думать, что он может что-либо познать самостоятельно, тогда, как на самом деле, все свои знания мы получаем только от бога, отмерившего каждому из нас их содержание и объем, достаточные для достижения вечного блаженства¹²². Понадобился гений Фомы Аквинского, чтобы легализовать в глазах католиков XIII в. проснувшийся у них под влиянием арабоязычной культуры интерес к теоретическим разысканиям античности, к философии, под которой тогда вслед за римлянам понималась не какая-то особая наука, но любовь к знанию. Аргументы Фомы, доказывающие, что эта любовь не угрожает теологии, но, наоборот, является служит ей, разрешили тысячелетний конфликт между любознательностью и правоверием, высвободив громадные интеллектуальные силы, приблизившие научную революцию Нового времени.

¹²¹ Августин Аврелий. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: АСТ, 2006. С. 181–182.

¹²² Гегель в лекциях по истории средневековой философии приводит популярную в те времена историю о страданиях Альберта Великого, учителя и друга Фомы, который в детстве испугался овладевшей им страстью к учебе и всячески с ней боролся. Богоматерь, явившаяся ему во сне, посоветовала не противиться тяге к знанию, пообещав, что он умрет таким же невинным, каким пришел в этот мир. И, как говорит легенда, за год до смерти Альберт впал в старческое слабоумие, забыв все, что сумел узнать, и умер таким же безгрешным невеждой, каким и родился.

Не без влияния Фомы, полагавшего, что семь дисциплин тривиума и квадривиума не исчерпывают теоретическую философию (*philosophia theoretica*), на факультетах свободных искусств (*faculta satrium liberatum*) в эпоху Ренессанса¹²³ стали преподавать и физику, и метафизику, куда входили рациональная (естественная) теология и рациональная психология¹²⁴, а сами факультеты были переименованы в философские. В средневековую Европу приходит эллинистическое разделение наук на теоретические, изучавшиеся на философских факультетах, и практические, изучавшиеся на юридических и медицинских факультетах. С тех пор во многих европейских университетах после защиты докторской диссертации по одной из теоретических наук присваивается степень доктор философии (*Philosophie Doktor*). Сейчас к степени PhD добавляют указание на ту реальную дисциплину, по которой защищал диссертацию соискатель (физика, химия, математика и др.). После защиты диссертаций по практическим наукам присваивается степень доктора медицины и доктор права. Особое положение в средневековье занимала практическая философия – этические и политические доктрины, которые преподавались на философских факультетах. Тогда, как, впрочем, и в наши дни, изучение этики не ставило перед собой цель руководства поступками и исправления нравов (этим занималась церковь, а сейчас – еще искусство и средства массовых коммуникаций). Практическая философия (*philosophia practica*) была теоретической дисциплиной, изучавшей как данность уже существовавшие авторитетные учения о нравах, в основании которых, как считалось, лежали представления о счастье и путях его достижения.

В средние века слово философия и производные от него термины имели хождение не только в университетах, но и в замкнутой среде алхимиков, где они использовалось в значении, напоминающем греческую мудрость (*σοφία*). В словосочетаниях философский камень, философская ртуть, философская сера и т. п. термин

¹²³ В 1265 г., т. е. за 9 лет до смерти Фомы Аквинского в 1274 г. родился Данте Алигьери, с творчества которого большинство культурологов начинает отсчет ренессансного Треченто.

¹²⁴ После Фомы обычным стало различение *sacra doctrina* (в русской традиции догматическое богословие), и рациональной, или (что, то же самое) естественной, теологии. Ее главная и, по сути, единственная задача – доказательство с помощью несовершенного и потому вечно сомневающегося естественного разума (*ratio naturalis*) существования бога как причины всего сущего и его устройства. Задачу доказательства того, что причиной наших поступков является бессмертная душа, которой дана власть над телом, решала рациональная психология. Особенности католической трактовки бога и души были прерогативой *sacra doctrina* (аналог догматического богословия), опирающейся на сверхъестественное откровение и исключающей какие-либо сомнения и доказательства.

философский – оценочная категория, говорящая о высшей степени совершенства вещества, его чистоты, а также о высшем знании, доступном не всем, но только философам, приблизившимся к постижению природы металлов и способов ее изменения. Именно с этой позиции философский камень истолковывался как камень мудрецов, а слово философ, как и в эпоху эллинизма, когда зародилось герметическое искусство (так называли алхимию по имени ее легендарного основателя Гермеса Трисмегиста), стало синонимом мудреца. Для Роджера Бэкона алхимия – практическая наука, задача которой не служение истине, не теоретическое познание, а постижение природы металлов – божественного, по Платону, искусства – и, тем самым, рецептов ее изменения.

Алхимия, несмотря на колоссальный интерес к ней в позднее средневековье, была чрезвычайно подозрительна с позиции правоверия, поскольку ей приписывалось практическое знание, относящееся к исключительной компетенции бога. Бог, творя вещи, наделял их природой, которую в силу ее божественного происхождения, мог изменить только он сам. Алхимики, чтобы избежать обвинений в колдовстве, создали биоморфную теорию созревания металлов (естественной в недрах земли трансмутации железа в золото), которое прерывается в рудниках, но может быть восстановлено (излечено) с помощью философского камня, называемого поэтому также медикаментом и панацеей. И все же, несмотря на стройную *ad hoc* гипотезу, алхимия в глазах церкви была под большим подозрением, а слово философия в двух значениях функционировало в параллельных интеллектуальных мирах, обозначая два различных вида познавательной деятельности – теоретической и практической. Впрочем, герметическое искусство было не так уж и герметично, чтобы его представления не могли проникнуть в мир теоретического и обиходного знания. В наши дни забавным отголоском алхимической трактовки философии как наивысшего знания можно считать словосочетания философский уровень познания, философский метод, философское обобщение, философское отношение к жизни и т. п., намекающие на наличие у философов высших знаний и умений, недоступных никому кроме них.

Секуляризация общественной и духовной жизни в Новое время, которой немало способствовала научная революция XVII в., наполнило слово философия новыми смыслами, хотя и не сразу. Еще долго под философией понималась любовь к теоретическому знанию, что уравнивало в праве на истину физику и метафизику, рациональную космологию и астрономию, рациональную психологию и эмпирическую, математику и этику. Мы сейчас легко отделяем философию Декарта от его математических и естественнонаучных исследований. Но сам Декарт, определявший

философию как занятие мудростью, понимал под этим занятием не только свое учение о методе и двух субстанциях, но и теоретическое (умозрительное, с помощью интеллектуальной интуиции) познание первоначал, и всех прочих наук, включая рациональную теологию, рациональную психологию, физику, механику, медицину, этику¹²⁵.

Нам сейчас очевидно, что в Математических началах натуральной философии (*Philosophie naturalis principia mathematica*) И. Ньютона излагается не натурфилософия, а физика, и что критика этих Начал в Письмах к Серене Дж. Толландом с его собственными суждениями о движении, или, скажем, Система природы П. Гольбаха – это как раз натурфилософия, но никак не физика. Понятно и то, что Философия истории Вольтера – это не рассуждения о движущих силах исторического процесса и его конечных целях, а просто исторический труд, ставящий перед собой не практическую цель назидания, как повелось со времен Плутарха, но лишь задачу установления истины. Однако, то, что легко понятно нам, было непонятно Ньютону, Гольбаху, Вольтеру, которые под философией понимали не то, что подразумеваем мы, и понимание чего только к концу XVIII века начнет складываться в интеллектуальной среде обновляющейся Европы. Вольтер, правда, первым на континенте понял, что ньютонианство – это физика, а перипатетизм, картезианство, лейбницианство и им подобные доктрины – метафизика. Но философия для него и других просветителей-энциклопедистов – это все еще любовь к знанию, которая требует от философов установления того, что действительно есть и действительно было. Просвещенный этим знанием разум людей, считали они, не ошибется в выборе практических целей и средств их достижения и не допустит возвращения невежественного средневековья.

В Германии популярная (народная) философия ставила те же просветительские задачи, включая требование излагать научные знания на родном языке. Если латинские термины не нуждались в переводе на романские языки, то в Германии многие из них приходилось переводить на немецкий, создавая зачастую новые слова. Вместе с новообразованными немецкими терминами нередко сохранялись давно прижившиеся латинизмы и эллинизмы, что позволяло с помощью этимологически равных слов выражать различные нюансы сходных явлений. Особенно много новых

¹²⁵ «...Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие из этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике, и этике» [7; 301, 309]. Напомним, средством достоверного познания во всех областях является, по Декарту, интеллектуальное созерцание (интуиция).

терминов, приводивших современников в шок, ввел в своих Критиках И. Кант¹²⁶.

Кант первым в континентальной Европе стал читать университетский курс физики по Ньютону, и первым осознал всю ее новизну, непохожесть решаемых ею задач на прежние учения о природе. Кант использует неологизм естествознание (*Naturwissenschaft*), чтобы отличить эту новую математизированную науку о природе от прежней, лишенной математического аппарата, физики, которую он намеревался реформировать на основе критики разума и назвать метафизикой природы или философией природы. Слово философия начинает обозначать у него не только любовь к знанию, хотя Кант продолжает использовать термин философия и в этом значении¹²⁷. Если собрать вместе все дефиниции философии в одной только Критике чистого разума, даже в одной ее главе Архитектоника чистого разума, их нельзя будет объединить неким синтезирующим определением. И тем не менее, именно у Канта философия впервые начинает обозначать особую сферу познавательной деятельности со своей особой проблематикой, отличной от проблематики теоретических (в его толковании) наук, получивших через некоторое время название частных или конкретных. Однако он был убежден, что эта отрасль познания в отличие от математики и естествознания никогда не добьется всеобщности и необходимости своих суждений.

Кант, доцент и профессор философского факультета читал студентам самые разные курсы, включая географию, но он никогда не читал философию. И никто тогда ничего не знал об особой науке с таким названием, и никто не читал в университетах курсы философии. Кант только начинал очерчивать ее специфическую проблематику, лишь частично включавшей в себя проблемы современной ему метафизики и этики. Первым философию как самостоятельную научную и учебную дисциплину стал читать Фихте с первой в истории кафедре философии в только что созданном (1809) Берлинском университете. Основой читаемой им дисциплины стало опубликованное в 1794 г. эссе «О понятии наукоучения или так называемой философии».

Но наиболее последовательным в создании новой отрасли знания был Гегель. «Моим намерением, — писал он в *Феноменологии духа*, — было способствовать приближению философии к форме

¹²⁶ Впрочем, Кант оптимистически смотрел в будущее: «Первый шок от множества совершенно непривычных понятий и некоторых еще более непривычных терминов... пройдет» [8; 506].

¹²⁷ «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей — это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено...» [10; 667].

науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием». «...Настало время, – чуть далее заявляет он, – для возведения философии в ранг науки»¹²⁸. Его «система философских наук», задуманная как реализация замысла Канта, состояла из феноменологии духа, логики, и 2-х частей реальной философии – философии природы и философии духа, которая включала в себя философию истории, философию права, философию религии, эстетику и историю философии¹²⁹.

Эта система, содержащая невероятное количество знаний и сведений из самых различных сфер интеллектуально-духовной деятельности в разные эпохи, необычные постановки вопросов и столь же необычные ответы на них, породила множество подражаний и еще больше возражений. Благодаря Гегелю, его эпигонам и критикам круг проблем, которые стали считаться сугубо философскими, чрезвычайно расширился. Философию как отдельную дисциплину стали читать в немецких университетах и даже в школьных классах, отчего и получила данное ей Ф. Энгельсом название немецкая классическая¹³⁰. Однако превращение слова философия в обозначение особой отрасли знания, обособившейся от совокупности конкретных наук, происходило в разных странах неодинаково. О. Конт исходил из его традиционного понимания, которое вкладывали в него Ньютон в своей Натуральной философии, К. Линней в Философии ботаники (*Philosophia botanica*), Ж. Б. Ламарк в Философии зоологии (*Philosophie zoologique*) и недоумевал по поводу новомодного его употребления в немецких землях и даже за их пределами. Не получив от Гегеля ответ на просьбу кратко и по-французски изложить его философию, Конт в конце концов заявил, что наука – сама себе философия, а поэтому ее нет в составленном им списке наук, составляющих «позитивную философию».

Однако к концу XIX – началу XX вв. уже никто не называл философией естественные и исторические науки. Философия истории

¹²⁸ Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 т. М.: Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. Т. IV. С. 3.

¹²⁹ По одному из замыслов Канта система философии виделась ему состоящей из формальной части – логики и реальной части, включающей в себя теоретическую философию – философию природы и практическую – философию нравов. Системе философии должна предшествовать критика разума, которую он называл то пропедевтикой, то феноменологией и которая «не составляет части такой системы, а только...выдвигает и подвергает проверке идею такой системы» [11; 837].

¹³⁰ Гегель, попытавшийся читать философию в Нюрнбергской гимназии, позже признал неудачным этот опыт. Одна из поздних работ Ф. Энгельса называется «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Энгельс в своих и более ранних работах предсказывал, что философия как особая наука долго не проживет, а на ее месте останется только логика и диалектика.

Вольтера и Гердера стала просто историей, философия ботаники и философия зоологии – ботаникой и зоологией, натурфилософия Ньютона – физикой. Но термин философия истории не исчез, под ним стали понимать рассуждения о сути исторического процесса и исторического познания. Появились гносеологии, эпистемологии и другие сугубо философские дисциплины. Один из самых образованных людей своего времени, В. Виндельбанд, решая вопрос о предмете истории философии, пришел к выводу о невозможности найти что-либо, что объединяло бы все существовавшие в прошлом и настоящем значения этого термина, и дал свое определение: «...Не отнимая ни у кого права называть философией все, что ему заблагорассудится, я лишь пользуюсь этим правом... и считаю возможным понимать под философией... критическую науку об общеобязательных ценностях»¹³¹. Так появилась аксиология, которая многими в наши дни признается обязательной составляющей философии.

Еще больше философий возникло в XX веке. Здесь и философия физики, и философия математики, и просто философии науки, и философия социального (*die Social philosophie*), а в постсоветской России социальная философия (своим нелепым названием говорящая о возможности еще более нелепой асоциальной философии) и еще множество других, включая философию философии¹³². Казалось бы, множество конкурирующих школ и течений, вкладывающих в слово философия собственное толкование его смысла, должно было бы привести к радикальному взаимонепониманию их адептов. Однако это не так. Марксисты и неомисты, экзистенциалисты и логические позитивисты, представители феноменологии и лингвистического анализа легко отличают, скажем, философию физики от физики, философию математики от математики, философию искусства от искусства, философию религии от религии и при всей критичности по отношению к противоположным взглядам не отрицают их философского характера. Оказывается, несмотря на все декларации об оригинальности собственных воззрений, наши современники исходят из какого-то общего понимания слова философия.

Правда, в некоторых случаях способы употребления этого слова заставляют обращаться к его истории, поскольку вызывают недоумение у людей, принадлежащих разным научным традициям. Так обстоит дело, как уже говорилось, с ученой степенью PhD – доктор философии. Еще большее недоумение у российского читателя вызывает использование франкоязычными и англоязычными правоведами слова юриспруденция. У них оно означает не науку

¹³¹ Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 40.

¹³² См.: Бабушкин В. У. О природе философского знания. М.: Наука, 1978.

о действующем праве, не специальность выпускников юридических факультетов, а философию права. Еще более странным для русскоязычного человека выглядит англо-французская философия права, под которой понимается не толкование права с позиции какой-либо философской доктрины, а история правовых учений и правовых институтов¹³³. Подобно Вольтеру, история в данном случае трактуется как теоретическая наука, поскольку ее предмет не поддается произвольным изменениям, и, с этой позиции, восходящей к Аристотелю, историю права следует отнести к корпусу философских наук, задача которых в отличие от практических наук – установление того, что действительно было, то есть достижение истины¹³⁴.

Однако, если принять не такое уж и древнее разделение знаний на практические и теоретические, то все философии, возникшие в последние двести лет ничуть не более практичны, чем англо-французская философия права. Непрактична философия науки, иначе она смогла бы с помощью методологии науки указать всем и каждому путь (от греч. *μέθοδος* – путь) к физическим, биологическим, химическим и т. п. открытиям. Непрактичны философия искусства, философия политики и другие философии. Иными словами, философия, как и в момент своего зарождения, бесполезна, т. е. не является средством для каких-либо более важных целей. Философией занимаются ради нее самой. Она своеобразная роскошь тех народов, у кого, как и во времена Аристотеля, оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие¹³⁵. Ее не могут позволить себе народы бедных сообществ.

Но эти народы не могут позволить себе и теоретической физики, да и других естественнонаучных теорий, чтобы ни говорили об их исключительной практичности. Эти теории нацелены на открытие законов природы, которые действовали, действуют и будут действовать всегда, хотим ли мы этого или нет. Законы природы, подобно большинству юридических законов, разрешают делать людям все, что ими не запрещено. Но они ничего не говорят, что же такое это все, которое можно делать, и, главное, как это делать. В законах природы не содержится указания на действия, нужные для достижения хотя бы одной практической цели из бесконечного множества целей наших современников и их потомков.

¹³³ «Термин “юриспруденция”...означает... в обычном праве США и других стран, а также Англии – правоведение или философию права. ...Философия права изучает различные теории, которые выдвигались на протяжении развития человеческой мысли для объяснения природы права» [17; 10].

¹³⁴ «...О прошедшем, – говорил Аристотель, разграничивая сферы теоретического и практического знания, – не принимают решений» [3; 1139 b 10].

¹³⁵ Аристотель. Метафизика. 982 b 20–25.

Теоретические знания публикуются в открытой печати, они, как и во времена зарождения философии, не knowhow и не являются предметом коммерческой тайны, подобно семейным рецептам мастерства древних и средневековых ремесленников. Конечно, в наши дни многие ноу хау, относящиеся к тому, что называется высокими технологиями (hi-tech), невозможны без современных теоретических знаний о природе. Естественнонаучные теории могут стать полезными средствами для практических целей. Но для этого они должны попасть в поле внимания изобретательного ума инженеров, агрономов, врачей и других представителей практических профессий, которые осмысливают предметы и явления не как причины и следствия, но смотрят на них через призму категорий цели и средства, полезности и вредности. Не всем дан подобный талант. Им в достатке был наделен, например, А. Попов, который не был физиком-теоретиком. Он был инженером, и не он открыл электромагнитные волны. Их открыл Г. Р. Герц, так и не догадавшийся, как можно практически использовать его открытие¹³⁶.

Те области интеллектуальной деятельности, которые в наши дни называют философией, как и возникшие вместе с ней в XIX веке искусствоведение, культурология, социология, экономическая теория, история и другие гуманитарные дисциплины есть порождение древнего культа знания ради знания¹³⁷. Этот культ требует добиваться истины независимо от того, полезна она или бесполезна. Пренебрежение этим культом в пользу идеологии и культа полезных практических знаний бывает очень болезненным и даже трагичным. Вспомним судьбу теоретика-натуралиста Николая Вавилова, изучавшего законы наследственности и погибшего в советских лагерях по наветам агронома-практика Трофима Лысенко, под руководством которого коров кормили шоколадным боем для выведения породы, дающей вместо молока сливки. Лысенко не удалось бы так долго и счастливо для себя дурачить Сталина и Хрущева, если бы те сами не были в плену насаждавшейся ими идеологии утилитаризма. Эта идеология покоится на убеждении, будто практика – это универсальный критерий истины, и требует подозревать в иждивенчестве любые теоретические исследования, не обещающие

¹³⁶ Л. Д. Ландау приписывается шутливая дефиниция, которую он дал после того, как по поручению Сталина в 1948 г. ученым резко повысили зарплату: «Теоретическая физика есть способ удовлетворять любознательность за государственный счет». А ведь Ландау лучше многих знал теоретическую физику и ее возможности.

¹³⁷ Практическая значимость естественнонаучных и обществоведческих теорий – далеко не решенная проблема. Проблемой остается практическая полезность и экономических теорий, старательное изучение которых еще не сделало никого таким же богатым, каким стал хотя бы недоучка Билл Гейтс.

в скорейшем времени стать полезными средствами для каких-нибудь практических нужд¹³⁸.

Философия вместе с другими теоретическими науками, как естественными, так и гуманитарными, поддерживает культ европейского научного мышления, требующий от исследователя добиваться истины, во что бы то ни стало. И нельзя сказать, что философские разыскания последних двух веков не увеличили наши знания о науке, искусстве, религии, обществе, историческом познании. Как когда-то Сократ, искавший мудрости у ремесленников, политиков, поэтов, современная философия в лучших своих проявлениях, исследует любые умения и учения, чтобы приобщиться к мудрости их творцов. Но она, как и Сократ в свое время, не находит ее ни в политике, ни в искусстве, ни в религии, ни в технологии, ни в науке, ни в чем-либо ином, что начинает претендовать на обладание мудростью. Поэтому философов, как и во времена Сократа, не очень-то любят. Скорее, даже не любят: они, добываясь истины, разрушают веру в мудрость политиков, религиозных деятелей, командиров экономики и всех других, включая довольных своим умом обывателей, которые считают себя вправе поучать, как всем нам следует поступать, чтобы жить в гармонии с собой и окружающими.

Нет мудрости в мире, но невозможно запретить любить ее и после каждого разочарования надеяться на ее обретение. Похоже, слово философия возвращается к своему исконному значению, способному объединить ее дефиниции, существовавшие в истории.

КОНЦЕПТ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)

А. В. Булатова, Н. И. Журавлева, С. В. Мельникова

Современные горожане не представляют собой единства, что делает актуальной проблему их идентичности, а также города как места жизни этих горожан и самостоятельного субъекта. Изменения, происходящие в экономической и социальной сфере, меняют привычные формы коммуникации и те фреймы, в которых нам привычно было видеть себя и свое жизненное пространство. И, пожалуй, важно стало не просто осознание факта, что город изменил свое смысловое и функциональное назначение на «карте Родины», а признание множественности этих смыслов и функций, которые

¹³⁸ Требования Высшей аттестационной комиссии СССР в середине 1970-х годов вынудили автора этой статьи в автореферате кандидатской диссертации немало пофантазировать о колоссальной практической значимости его исследования концепции доказательности Г. В. Ф. Гегеля.